

С М Е Н А

ЦЕНА 10 КОП.

XX 101
— 1

Н А С О Р Е В Н О В А Н И Е

8

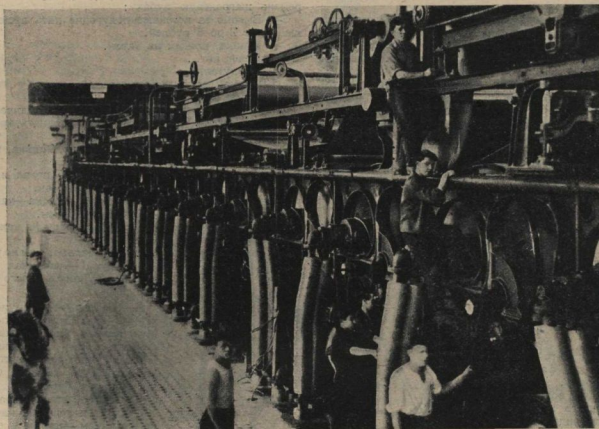
1929

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЗАВОД „МЕТАЛЛ“ ГЭТ'а. Закладка железной болванки в обжигальную печь.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

Стан главной бумажной машины Балахнинской бумажной фабрики.

НА СОРЕВНОВАНИЕ!

Насколько в наших советских условиях, в условиях социалистического строительства жизненна идея соревнования, насколько она является действенной—об этом свидетельствует тот широкий отклик, какой эта идея встретила в массах. Соревнование уже теперь является осью, вокруг которой все больше и больше вращаются классовые интересы рабочих и в особенности рабочей молодежи. Соревнование современем, это уже теперь можно предвидеть, станет основой нашей общественной жизни. Соревнование является центральным звеном, за которое ухватились передовые слои рабочего класса и рабочей молодежи. Нашей задачей является, чтобы весь класс и его молодежь уцепились за это звено, которое переведет наше хозяйство из восстановительного периода в период великой социалистической реконструкции.

Главная опасность в настоящее время состоит в том, что некоторые слои рабочей молодежи воспримут движение вокруг соревнования, как очередную кампанию. Эти слои на первых порах увлекутся соревнованием, а потом перейдут к другим вопросам. А между тем мы стоим перед новой, буивальной эпохой в нашей общественной жизни. Соревнование—это принципиально новый подход к разрешению сложнейших задач конструктивного периода. Духом соревнования должна быть пропитана вся наша жизнь. Знамя соревнования должно рдесть над всей страной. Соревнование должно связать и приблизить наиболее отдаленные углы нашего Союза и его центрам и наоборот.

Хозяйственная мощь нашей страны растет. Темп нашего развития опережает американский. СССР—бедная страна и отсталая страна. И если мы продвигаемся так быстро вперед, то это только потому, что массы рабочего класса и рабочей молодежи принимают активное участие в строительстве. Но то участие, которое массы принимали еще вчера, сегодня уже становится недостаточным. Реконструктивный период, т. е. период строительства новых заводов-гигантов, новых электростанций, Днепростроя, новых железных дорог и т. д., требует большего. Этот период требует самого напряженного и сознательного участия в строительстве всего класса и его молодежи. В противном случае мы не сумеем разрешить задачу реконструкции нашего народного хозяйства. Соревнование является формой участия всего класса и его молодежи в социалистическом строительстве. Вот почему соревнование не просто очередная кампания.

Мы отправляемся на передовые позиции нашего хозяйственного фронта, на соревнование. Мы, молодежь господствующего класса, должны с энтузиазмом добывать больше нефти, угля, азота, железной руды, создавать большие машины, электрической энергии, моторов, аэропланов.

При помощи соревнования мы должны преодолеть стихию природы так же, как с оружием в руках рабочая молодежь преодолела флюк врагов.

Стиль эпохи гражданной войны—ружье, стиль эпохи великой социалистической реконструкции народного хозяйства—соревнование.

ПОДВИГ ЛЕЛЬКИ БАБАНОВОЙ

Рассказ Виталия ВАСИЛЕВНОГО

ОПИСАНИЕ Лельки может быть взято из любого космо-мольского рассказа—русые волосы, задорно вздернутый нос, тугой румянец на щеках. Она катается на коньках, по четвергам посещает собрания коллектива, по субботам танцевальные вечера.

Архипово сложили года. Лицо ее—темное и сухое—наборжидено морщинами. От прежней молодости не осталось даже оскани.

Лелька и Архипово переносят полуфабрикат—скрепленные ботинки—между станками в пошивочной мастерской. Выход ботинок тяжел—станков много. Лелька подходит к окну, вытирает слезу на ладонь рукавом лоб, вздыхает. За окном снегопад.

— Лелька! кричит Архипово.— Будет прохладнаться-то! Роте солдат не справится, а ты стой...

В полдень, обогная губы, они пьют крутой кипяток в фабричной столовке. Желтые луки стоят на столе. Сонная зимняя муха садится на сахар. Чаванье и соленые властвуют над столами. Сквозь непременаемый хрип и шум радио популярный автор-юморист игриво напевает:

Любовь—солонка,
А сердце—вар:
Она мигнула—
И пожар!

Девчата сблизь на краю стола и блаженно повизгивают над последним номером «Искусство одеваться».

— Девочки!—говорит Лелька, подходя.— Покажите мне.

— Ах, ловкая!—отвечает Танька шепеляво. У нее, россыпь веснушек на пухлом лице и толстые, мокрые от чая губы.— Мы журнал в складчину покупаем.

— Я внесу.
— Врешь?
— Не сойти мне с этого места!
— Ладно, выбирай фасон—я тебе переведу на копировку.

Лелька поправляет волосы, дует на кружку. Танька, часто мысля химический карандаш, прикидывает на покровнице.

— Вельвет—три метра по одному рублю пятьдесят, шелк по три двадцать... Губы у нее лиловые.
Прельдно сухая пробь звонка низвергается на столовку. За ним прет гудок, и Лелька гложнет.

...Ботинки, ботинки—5.000 штук в смену. Густой и терпкий запах кожи, одышка вентилятора за спиной и стрекотание пошивочных машин.

Время ляпает на Лельку. За что—неведомо. Часовые стрелки ползут медленно-медленно.

Вечером у ворот фабрики встреча с Мишкой Петунгиным. Какая по счету—пятая или пятисотая? Что за дело—они никогда не напедают, эти встречи у фабричных ворот.

Фонари отражаются в кожаной куртке Мишки. Лелька владет руку на сгиб его локтя.

— Но, Лелька...—растерянно говорит Мишка.— У меня совещание. Производственное.

Подосел трамвай и ушел опля. Сонька Попова оошла с трамвая.

— Сонька Ты опять вечером?
— Угу!—Ответила Сонька неслухохотливо.— Так веселее, и день свободный.

Конечно, производственное совещание—скучная вещь, но Лельке не захотелось идти во-свои клуб, и она пошла с Мишкой в клуб.

Привычный и малый клуб. На стене кумачевые знамена и часть дворцовой

стены—драмкружок готовил «Фузте Овехуна»; бюст Ильича, лозунги и конституция на стенах; шелуха от семечек и коренастая кобыла на полу.

Председатель собрания лыс и толст. Весь мир—фабрика, жема, дети—зуют его Иван Ивановичем. Олин Ермолач—дворник—упорно кличет его Ваней, но Ермолачу за семейств. Иван Иванович бурчал под усы, одергивая обшившуюся за ремеш шаргевую рубашу:

— Выладо за истекше полугодие—пять премий за предложение от 2 до 8 рублев.

— Мишка, пойдем на наток.
— Денег нет...
— Найдутся.

И Мишка, вояя, кивает головой.
— Комната—семь, сказал Мишка вигливно.— Ну, пусть для ровного счета—десять. Питание—тридцать, тридцать пять—в стовлове.

— Зачем же в стовловке? Какой ты, Мишка, глупый,—расудительно сказала Лелька.

Мишка хмыкнул от радости, но не подал и вида.

— Мне тебя жалко!—нежно сказал он.
— Нечего жалеть. Поужине дома—накая экономия. Не так много мы с тобой получаем будем.

Трамвай перекрест путь. Городские часы на каланче звонили восьмой час.

— Мишка,—сказала Лелька печально,— ты не умри только...
— Дура!—закричал Мишка, размахивая руками.— С чего ты взяла? Накаркаешь.

— Да-аа...—протянула Лелька обиженно.— Вот я у Архиповны была. Муж весною умер—в канаве нечаял пьяным. Через ребятишек, Мишка. В школу пять день ходят—одни сапоги на двоих. Я обещала села—есть не могу—такая бурда.
— Ладно, ладно—плати.

Лелька подошла к кассе, зашарил по карманам—пол руки ей попалось перчатки, опичный коробок, пурелница, кусок сахара, бечевка.
— Матушки!—ахнула Лелька.
— Бери, бери, не заперживай!—закричали в толпе.

Мишка стоял у забора, курил. Папироса, разгораясь, освещала смуглое узкое лицо, осыпши покрашенный нос.
— Мишка! Денги потеряла.

— Ну-у, вот!—перекосил и выплюнул окурок Мишка.

— Или в халате оставила?
— Я откуда знаю...
— В щеху, Мишка, ей-ей в щеху.

Надо ехать...
Мишка на фабрику ехать не пожелал, еле-еле притронулся губами к холодной щеке Лельки и, подняв воротник, растворился в тумане.

И трамвай, скривя на поворотах, повез Лельку на фабрику.

Странное дело! Не случись пропажи кошелка, Лелька могла и не попасть на фабрику ночью.

Тот же знакомый цех, только в углах залегла темь, и ремни шелестели под потолком, незаметными глазами.

Но было и новое. От станка к станку, от одной пошивочной машины к другой были положены широкие и шершавые, словно охотки, доски. По ним передвигала ботинки Манька крепляшка. Соньки не было, Лелька отпнула, глаза ее привыкли к полумраку.— Сонька лежала на кожах, укрывшись брезентом, и безмятежно спала.

Это шло возмездие, отмщение, сгорбленное и морщинистое.

— Сонька! Ты что это спишь?—зашептала Лелька, опускаясь рядом с Сонькой.

— А что мне делать? Манька справится,—с явной неохотой ответила Сонька, протирая кулаком глаза.

Видишь—всемирное изобретение. У одной руки висят. Четыре часа она, четыре я.

Лелька—она была простая девушка. Прекраснодушные стремления переполнили ее и она сказала Соньке.

— Заявим Иван Ивановичу, а? Пусть и днем устроит.

— Ш-шш...—зашипела Сонька злобно, сплывая с кож.— Молчи, волосы выдеру. Завидки взяли? Сами бы сделали, да мастера боитесь? А еще подруга. Нет, ми-илая, молчи в тряпочку. Мы доски нашли, мы наложим, мы на день причем—наш и барыш.

Она зевнула, прикрыв рот ладонью, повалилась на спину и натянула брезент на толстые плечи.

Дружка! Конечно, дружка—самое лучшее слово, что созвал человек когда-нибудь... И Сонька Полова была настоящей подруга—они честно делили между собою горести и радости, счастье и боль.

Крепко зажав кошелек в руке, Лелька вышла из цеха. Ермолач, седенький старикашка, сгребал на дворе снег. Пегий шенок возился у него под ногами, скулил и кусал валенки.

— Кешка, кривой черт—прочь!—бодро закричал Ермолач и замаяхнулся лопатой.

— Делушка,—сказала Лелька тихо,—рассуди, за кого заступаться? За Соньку?

— Ваня?—спросил Ермолач важно.—Что ж, Ваня человек правильный, артельный. Ему себе ничего не надо.

Мишка пил чай. Он священнодействовал. Он отрезал от буханки ломоть ситного, намазал его желтым, как глина, маслом и, страшно разинув рот, засунул весь ломоть, не кусая.

— Нашла?—промычал он, даваясь и ккая.

— Да-а, но, Мишка... Сонька-то спит!

— Зачем спит?—спросил Мишка, прожевав и, обливая жирные губы, потянул Лельку к себе.

— Постой, Мишка!

— Постой, постой!—рассердился Мишка.—То сама виснешь, то привередничать! Чать мы жених и невеста! Чаю хочешь?

— Доски, Мишка, положили!—сказала Лелька, разгладивая висок нагрешшей в чаю ложкой.

— Завя!—сказал Мишка спокойно и отрезал второй ломоть.—Тебя же и сократят. На мою шею.

— Что на твою шею? Мишка!—закричала Лелька, стукая ложечку по краю чашки.—Я с тобой еще не расписалась! Я с тобой не живу! Хочу делаю, хочу нет...

— Струсилась!—сказал Мишка и придвинул масло.—На словах вы все храбры.

— Я?—покраснела Лелька.—Ты меня не знаешь, Мишка. Я захочу, так уж!

— Аника-воин в юбке!

Фарфоровый пастушок стоял на столе у Лельки. Соломенная шляпа у него была одвинута на затылок, а чулки подвязаны голубыми лентами.

Видишь, Жоржин, и Мишка не велит. Боится Мишка!—сказала Лелька, грязя ручку. Попробовала писать—перо как на-зю попалося ржавое, чернила жидкие.

Лелька походила по комнате, попробовала лечь на койку—подушка жгла. Села, сложив калачиком ноги, как в детстве, закрыла глаза и в оранжевой полутьме пропела, раскачиваясь: «Обма-а-а!»...

Вскочила с койки? подбежала к столу и, схватив пастушка, прижала фарфоровую головку к груди.

— Жоржин, мой милый! Или струсил?

Утром Иван Иванович сопел-сопел, читая заявление, внезапно покраснел и хлопнул себя по лбу. Лелька испугалась. Однако боиться было ничего. Иван Иванович пожевал губами и сказал мрачно:

— Дураки!

— Кто дураки, Иван Иванович?—спросила Лелька робко.

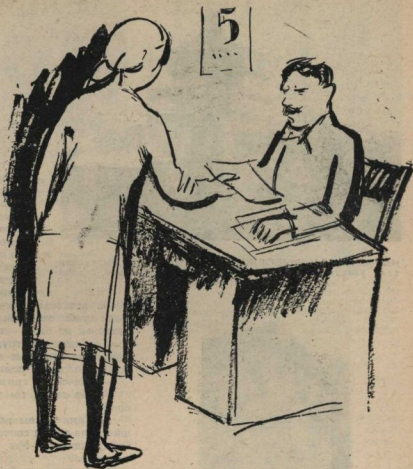
— Мы дураки! Пять лет сидим, друг на друга глазеем, а не догадались. А Сонька, говоришь, спит?

— Спит, Иван Иванович.

— Хе-хе!—ухмыльнулся Иван Иванович, кусая усы.

А в цехе навстречу Лельке шла Архиповна. Нет, какое там, это шло возмездие, отмщение, сгорбленное и морщинистое.

— Ай-ай, девонька! Нехорошо... На чужих слезах выслуживаешься?

— Опять предложение?

— Архиповна! Архиповна! Да разве я для себя?

Да, в самом деле, как она не подумала об этом раньше. Если предложение Лельки Бабаковой проведут в жизнь, одну работницу из дневной смены сократят. Кого? Лелька подала заявление, ясно что никто и не подумает заикнуться об ее сокращении.

— Архиповна?..

Лелька остановилась, сжав в руках полативо мягкую кожу ботинка. Она замурлыкала, словно болясь смотреть на мир круглыми, мокрыми глазами.

Мишка сидел перед печкой. Он растопил ладонь перед пламенем, но кровь не просвечивала до того были грязны пальцы.

— Мишенька!—сказала Лелька тусклым голосом.—Архиповна ругается! Думает, я для себя.

Она прижалась щекой к плечу Мишки и тербила пуговицу его пиджака.

— Подала?—спросил Мишка и плюнул в печку.

— Да-а...

— Дура!—сказал Мишка, ударив ковергой по головешке.—Расхлебывай теперь кашу, как знаешь!

И опять Ермолай сгребал на дворе снег, только вот щенка не было. Куда это делся щенок?

— Делушка! Мишка-то злитесь!—сказала Лелька, снимая кепку и подходя к старику. Снежинки запорошили ее волосы и таяли на щеках и на шее.—Хотя понятно—хотели в январе расписаться. Мои полостни, да его семьдесят пять...

— Образуются, дочка, протрезвет!—важно сказал Ермолач, себодородный старик с Петроградской стороны.

— Верно, пенуля?

— Я все говорю верно.

В фабкем загляли люстру, и Иван Иванович дитовал пышноволосой машинистке несведомое отношение в неведомое учреждение.

— Иван Иванович!—крикнула Лелька с порога и сама удивилась, как звонок ее глос.

— Опять предложение?

— Ага!

И четвертушка бумаги была перечеркнута взволнованной скорпионой Лельки:

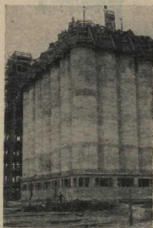
«На перекосе с устройством сходней нужна только одна работница. Прошу оставить Архиповну и уволить меня, т. е. Елену Вабанову.»

ЗУБАМИ В ПРОИЗВОДСТВО

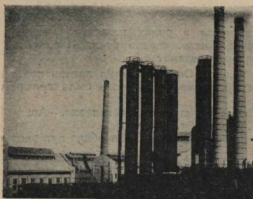
Очерк ФЕДОРА МАЛОВА

НА «КРАСНОМ ВЫБОРЖЦЕ». Электрический пылеуловитель, улавливающий ценную окись цинка из газов, отходящих от печей.

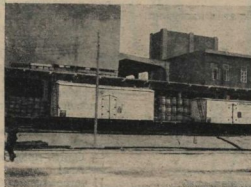
Заканчивающийся строительной «мощной» элеватор в Ташкенте.

НОВЫЙ ДОНБАСС. Новый химзавод.

ПЕРЕБОРУДОВАНИЕ РУДНИКОВ. Врубовальная машина «Сессиль».

НОВОЕ ОБОРУДОВАНИЕ СОВЕТСКИХ ПОРТОВ. Экспортный холодильник в Новороссийске вместимостью 300 000 тонн.

ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ. Электропоезд, курсирующий по линии Балу-Сабучи.

ОТТЕПЕЛЬНЫЙ мартовский вечер. Пологий берег Невы придавлен тяжелыми постройками «Красного Выборжца». У проходной буки волнуется и гомонит толпа. Рабочие спешат на вечернюю смену. Контрольные щиты быстро загораются блестящими номерками рабочих.

За несколько минут до гудка щиты были уже завешены сплошь. Пустых клеточек не было—это говорило о строгом соблюдении трудовой дисциплины. Слышались заборные голоса, шутки:

- Молодцы, подтянулись здорово!..
- Ничего, в грязь лицом не ударим.
- Не следи бы только труболитейщиками.

— Сами-то вы не славайте,—вз'ерошился из толпы голос, очевидно из труболитейщиков.—Мы еще впереди вас окажемся!

— А ну, попробуйте нас перегнать!.. Звенюнок Ванька Якорь протискался к щитам:

— А ну ка, сколько прогудыльчиков? Ни одного, ни одного нет!—с гордостью повторил табельщик, закрывая щиты проволочными сетками.—Все явились, иду отсюда в ведомость.

— Ого, посмотрим, как та смена явится.

— Кажется, мы им наставим очков,—храбрится Якорь.—Это уж сейчас видно!..

— Видно, да еще не очень,—возражает ему кто-то.—Но подготовилась наша смена лучше чем та. Там почему-то последнее собрание не состоялось!

— Райкомовский вечер отвлек. С семьями ходили на товарищеский ужин. Говорят, артистов и музыки много было. — Выбрали время, нечего сказать! Так они подорвут всю нашу кампанию. — Полно, ничего не будет до самой смерти!..

На заводе происходит конкурс на лучший цех с наибольшей производительностью труда и на лучшее соблюдение

трудовой дисциплины между отдельными сменами.

Разгорелся соревнование захватило всю рабочую массу. Созданы специальные тройки и группы по цехам и мастерским, выделены особые уполномоченные, ответственные за проведение конкурса. Рабочие-передовики стали подтягивать прогудыльчиков и отстающих. Звенья, цеха, мастерские догоняют и опережают друг друга. Конкурс должен будет ярко отметить недостатки отдельных цехов и рабочих.

— Когда результаты конкурса объявят станут, не знаешь?—спросил Гришка Полойничин, зарывая первый кусок меди в прокатный станок, и разозлился: — Ну, лезь што ли!..

— Через неделю все известно будет,—с достоинством ответил Якорь.— Лучшим цехам и производственникам выдадут премии.

Он был членом жюри, о конкурсе знал он все подробности, гордился этим и не в силах был скрывать это от своих близких товарищей.

— Скажи мне все-таки, какие премии будут?

— Узнаешь!—отмахнулся Якорь, переводя регулятор «на работу». — Вали, убирай клещи скорее!

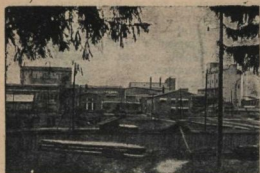
Полойничин вставил кусок в ствол прокатного. Якорь нажал педаль, и запрожанный станок выдал в желоб, наполненный водой, три красно-зеленых прута. Работа требовала большой сноровки и изворотливости, ребята то и дело нервничали и кричали друг на друга.

— Пронись, будет спать-то! — Чего орешь, сам-то какой? Как тесто вялый!..

— Тебя, бузотера, не переспоришь!.. Но ругань на работе забывалась скоро, обижаться—такой привычкой не было, и работа шла покладисто.

— Правда, что наша администрация раскошелилась—таки на первую премию?—спросил снова Полойничин.—Говорят, сто пятьдесят рублей отвалили!

— Конечно, правда,—ответил Якорь. — Всего три премии будет. Первая—150 р.—вторая—125, третья—100 руб.

СТРОИТЕЛЬСТВО ГИГАНТОВ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. Общий вид Балахнинской бумажной фабрики.

— Ого, это не малый куш! Кому только достанется?

— Это—общие премиа, на целые мастерские и цеха.

— А я думал одному кому...

— Что ж, индивидуально премируют тоже не мало. Будут путевки в санатории и на курорты. Потом выйдут несколько сезонных билетов в театры и кино, библиотеки политической и художественной литературы.

— Хорошо, если бы мне в Ялту билет достался,—вслух заметил Гришка.— В прошлом году Шкворнев ездил—до сих пор не может очухаться!..

— Зато он какую пользу заводу сделал!—проговорил Якорь, не отрывая глаз от паровой коробки, которая нажимала на левую подкладываемые Гришкой куски меди.—По его предложению убрали электрический вентилятор из пубо-давилного цеха, и это—ни много, ни мало—пятсот рублей в месяц экономии.

— Зато пылища стала невероятная, если вентилятор сняли?

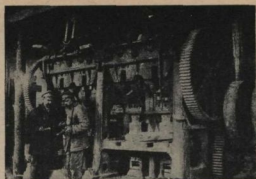
— Ничего подобного, оказалось, что он пожирал энергию совершенно зря. Работники единодушно потом подтвердили.

Ночь становилась глуше, темней. Стекланный конек цеха—фонарь, как называют его по научной терминологии,—отливал темными, как дым, полотнощами. В цехе становилось жарче; темп работы заметно убыстрялся. Рабочие давно уже обливались потом, но не сдавали. До конца оставалось ровно полчаса. Гришка колесил от горна к станку непрерывно.

— Двести пятьдесят!—воскликнул он, звонко чавкнув клещами.—Норма выработки на сегодня окончена!

— Ничего, еще штук двадцать пять провадим,—подбрил Якорь.—Давай поднажмем как следует!...

— Покурить бы не грех, а?—в раздумьи почесал затылок довольный Гришка.

СТРОИТЕЛЬСТВО УРАЛА. Механизированный кирпичный завод, производительностью 50 млн. кирпича в год.

— А конкур-то забыл, а?—ползало-рил Якорь.—Знаешь: весна, цветы, чудесная Ялта над лазурным морем!..

— Давай, заложим еще десятка три!—быстро ринулся к горну Гришка.—Из кожи вылезу, а заработаю поездку в Крым!.. Плавать мне на сверхурочные, вот к морю смотаться, это поинтеллигентнее будет!

— Растолстеешь не в меру!

— Нет, серьезно: ты там шика в конкурсе. Поддержи, чтоб мне эту премию присудили.

— За протекционизм и нынче чисто бредит!..

Перед самым гудком по цеху пробегал весь перемазанный секретарь общезаводской ячейки.

Наспех он передавал что-то ребятам и снова мчался дальше. Остановившись около Якоря, он быстро выпалил десятка три слов и тут же скрылся в ватер-макетную.

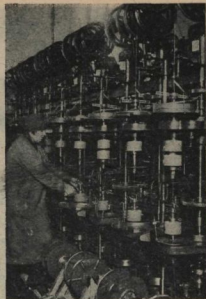
— Завтра в четыре дня собрание инициативных групп,—сообщил Гришке Якорь.—Приходи, это тоже связано с конкурсом.

— Обязательно!—оголасился Полойничин, успевший продать двадцать девять медяшек.

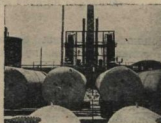
День был пестрый, как новый ситец. Кучезе облака лениво текли по голубому небу. Солнце то выглядывало, то пряталось вновь; было тепло, и дружно капало с крыш с солнечной стороны. Заклеенный плакатами и объявлениями старый клуб еле вмещал собравшуюся молодежь.

За столом сидели секретари цеховых инициативных и производственных групп, уполномоченные производственного совещания, бюро рационализации, представители фабкома, и партийных ячеек.

— Вы, молодежь,—наш производственный актив,—говорил председатель.

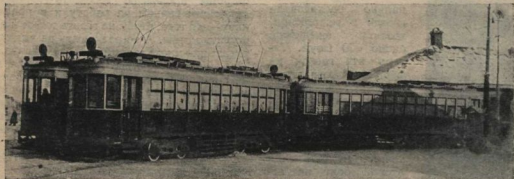
НОВЫЕ ПРОИЗВОДСТВА. Завод «Совнабель» приступил к изготовлению нового типа кордельного кабеля для одновременной передачи телефонного разговора, телеграфа и изображений на расстоянии. До последнего времени этот кабель ввозился из-за границы.

Новый нефтеперерабатывающий завод в Баку, работающий по новейшей системе «Крикинга».

Установка новых машин на Надеждинском заводе на Урале.

На фото—новые четырехосные трамвайные вагоны, сооруженные на Коломенском заводе (слева); скелет здания под воздушные машины в Маковеев (справа).

Комсомольская смена в пекарне МСПО № 54, поставившая своей задачей доказать на деле возможность улучшения выпечки хлеба.

пилоточках, но тот это не выполнил, надо будет накатать!..

— Гейман!

— Я привел в порядок поменные вальцы. Теперь совсем не стало брака у нас в прокатке.

— Балзов!

— По моему заявлению сделали предохранительные стенки к прессу в электротрейной. Сейчас стружка не засыпает ямы и прекратились нехорошие последствия.

— Маштакова!

— У нас, в слесарном, стояло наждачное топило на деревянном полу и получалось большое прожигание. Теперь подвели бетонный фундамент, топило перестало прожигать!

— Горошнова!

— Я предложила не бросать головки от московских трамвайных дуг. И вот теперь действительно стали их переплавлять на малый размер, а раньше пускали в лом.

— Чижикова!

— Раньше у нас очень прогибался вал. Я настаивала, чтобы поставили добавочный кронштейн, и теперь этого недостатка нет.

— Филиппов!

— Я предложил сделать резовую дергалку для строгального станка. Это стало заменять холостой ход рабочим и ускорило работу. Мне говорили: «Это неприменимо у нас: цех механический и не массовый». А как сделали, мое изобретение принесло пользу.

— Вагранщикова!

— Мною предложено сделать трехлапные крюки для подъема бункеров. Тремя лапками скорее, удобнее и безопаснее перемещать груз с одного моста на другой!

Целых три часа продолжались выступления, и только десятая часть желающих успела высказаться. Говорили и гладко и коряво, шутило и строго, но каждое выступление убеждало, что инициатива рабочих протекает во все поры производственного механизма. В результате—десяти тысяч рублей экономии, сотни предупрежденных несчастных случаев, уменьшение брака выпускаемой продукции, оздоровление и упорядочение условий труда.

Гришка Полойничин мечтал получить поездку в Ялту, но хотел, чтобы это было вполне заслуженно. Заволнованный, с красными пятнами на щеках, он вообразился на сцену, подталкиваемый Якорем, и не своим голосом закричал:

— Давайте, ребята, так же дружно работать и дальше!.. Мы согреты глазами, головами и руками и плечами устранили ненормальности нашего производства!.. Этим мы будем участвовать в рационализации нашего производства!.. А я со своей стороны предлагаю выходить соответствующим сменам на работу и в праздники—для того, чтобы не гасить топки и не студить котлы. А то разнжить да разнаживать их—много зарплата уходит топлива!..

Гришка не помнил, как выбежал в этот раз из клуба и очутился с клещами у раскаленного горна. Прибежавший Якорь рассказывал ему, что собрание тут же постановило провести в жизнь его предложение, но Гришка, конечно, не верил.

В воскресенье, как бы ненароком, он очутился близ завода.

«Красный Выборженец» величаво дымил высокой рожей труб и тревожил несмолкаемым гулом мирную праздничную тишину.

— Только за полгода от вас поступило больше тысячи предложений, большинство из которых проведено в жизнь и приносит заводу огромную экономию и пользу. Сейчас мы проводим конкурс, и мы должны здесь подвести итоги о проделанной работе по рационализации. Достиженные результаты мы решили особо премияровать на проходящем конкурсе. Наш завод идет впереди других, мы это о гордости отмечаем и докажем на деле, что ввелись в производство крепкими пролетарскими зубами!

Якорь внес предложение:

— Не проведенные в жизнь заявки не высказывать здесь на отчетном собрании.

Отметить только те предложения, которые уже реализованы.

Собрание единодушно поддержало Якоря. На трибуну выходили авторы предложений и торжественно отчитывались в рабочей внимательности и смелости. Председатель каждый раз выкрикивал фамилию выступающего. Якорь выступал первым, за ним Подойничин.

— Дубинин!

— Я предложил сделать отводную трубку и люк для кипятильного бака. Это предохраняет потолок от гниения и избавляет от неприятного душка во время пшты!..

— Куренков!

— Мною поднят вопрос о сборе у нас в цехе бумажной и тряпичной макулатуры, которой в цеху имеется огромное количество и обычно идет на свалку.

— Ершовников!

— Согласно моей настойчивости убрали мотор на станке по отточке форм. До этого он стоял у воды и сильно портился, а когда отставили—облегчился доступ к станку!..

— Смирнов!

— У нас нерационально расходовали гвозди в мастерской, тратили ежедневно около 600 штук. Теперь эти гвозди из форм вынимают, и они действуют очень хорошо до пяти раз.

— Аверьянов!

— Я заставил изготовить рамки для точила и установил второй болт на вращательных станках. Потом еще говорил инженеру о держателях напильников на

БОРЬБА С ПРОГУЛАМИ НА ПРОИЗВОДСТВЕ. Плакат, выпущенный ячейкой комсомола на «Красном Богатыре».

НАШЕ

ИЛИ

КАЗЕННОЕ?

— Что ж мало сегодня? — спрашивает он, принимая цветы и бережно укладывая их в корзину.

— На пудру хватит — и ладно! — смеется она и как ни в чем не бывало направляется к закувыкающим подругам.

Шурка Д. работает на крупной шпоре московского завода. Работа хотя и тяжелая — он подручный на автогенной резке, но ничего, не жалуетесь: рублей 80 загоняет в месяц — и ладно. Обязанность его несложная: отбрасывать из кучи железный лом, предназначенный в переплавку, и подавать к машине. Машина, как соломинки, перекувыкает старые трубы, толстые железные балки, знай подавай только. Чем больше нарежешь, тем больше заработаешь — работа сдельная. Но как ни горит Шурка, а громадная куча ржавого лома не убавляется: ежедневно половды и грузовики сваливают туда всевозможный лом. Чего тут только нет! Тут и старые рельсы, и снаряды, и паровозные колеса, и могильные кресты, и болты, и гайки. Но есть вещи и получше — попадаются медные, а то и бронзовые машинные части, инструменты. Правда, насчет этого особый порядок — за цветные металлы выдается премия. Наберешь 16 кг меди — получаешь премию. Но у Шурки на сей счет свои соображения. К чему такая волокита? Гораздо выгодней какой-нибудь медный крапик или тот же гаечный ключ положить в карман: по крайней мере без хлопот. И кладет, конечно, при всяком удобном случае. Когда работал на гвоздильном заводе, чуть ли не весь дом, в котором он жил, пробравшись у него гвоздями и винтами. Целыми горстями выгребал из карманов, приходил с работы.

— Шурка, дай десяток гвоздинок! — то и дело обращались к нему соседи. Беря хоть три десятка — и за него, и за него, не жалко! — неизменно отвечал он.

Интересную картину можно наблюдать осенью на товарной станции Киево-Воронежской ж. д. (да наверно и на других) на выгрузке скорпортящихся товаров. Работает здесь преимущественно молодежь.

Открыт вагон, группа грузчиков бросает о землю первый ящик товара. Жадно распахивают по карманам и паузам брызнувшие из расколотого ящика яблоки, сливы или другие фрукты. Это вошло в обычай. Нередко тоже самое случается и с последним ящиком товара. Грузчики

в случае замечания всегда бумеют отвертеться, ведь за это не увольняют с работы. Интересно наблюдать выгрузку арбузов, которые подобно летским мячикам перекидываются с рук на руки цепью грузчиков, стоящих от вагона до дверей пакгауза. Даже ненаблюдательный человек может заметить, что много арбузов не проходит всей цепи и попадают не в пакгауз, а под вагон, куда-нибудь в ящик или в другое укромное место, откуда их извлекут после окончания работы. Иногда внимание группы метельщик привлекли странные звуки, слышавшиеся из-под снятых по случаю жары сваленных в кучу брезентовых халатов грузчиков. Из приподнятой спец-одежды с громким кулдахтаньем вылетело несколько кур со связанными ногами.

— Говорю, сегодня птицу грузили, — равнодушно сказала одна из метельщик, и они отправились дальше. Кому какое дело до казенного добра?

Можно привести сотни примеров, как молодой рабочий кладет в карман какую-нибудь мелочь из изделий своей фабрики. Иногда с целью проглатать, но чаще «просто так», для собственного пользования. Берут гвозди, булавки, пуговицы, шоколад, конфеты. Этим даже хвалятся. Я знаю парня, который собрал винтовку из частей, выбранных из кучи лома, чем очень гордится, а другой из деталей, принятых с завода, собрал целый... токарный станок. Такой парень искренне изумится, если ему сказать, что он приносит вред государству. Он будет оскорблен до глубины души, если его обзывать «вором». У многих слишком легкомысленное отношение к государственному имуществу, они смотрят на него, как на казенное.

Пора кончить с этим взглядом — пережитком старого. У нас нет ничего казенного, все принадлежит нам, и мы должны беречь и охранять его в своих же интересах, в интересах социалистического строительства.

МАКСИМ ЗОРКИЙ

О КОНКУРСЕ

на лучший рассказ и художественный очерк, посвященный теме:

«МОЛОДЕЖЬ
В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ
СТРОИТЕЛЬСТВЕ»

читай на 3-ей странице обложки
этого номера!

Так производится еще перевозка грузов на большинстве предприятий.

ПОЧТИ в самом центре слободы застенчиво прикуринул у бока озера химический заводчик. Вот именно заводчик, а не заводские.

Маленький, приплюснутый, с расщелившимися углами и блестящей двухсторонней круглой крышей, он скорее походил на ветеринарный пункт, аптеку, но никак не на производственное здание.

Даже поддерживаемая привязями-растяжками железная, как вышка, заводская труба и разбросанные по территории завода канифольные и окислительные бочки, точно откорректированные на убой серо-бурые пузатые коровы, казались лишними, приткнувшимися совершенно случайно к этому зданию.

И только одни паровые всхолмы и хрюканье котла, да клубы пара из котельного давали знать, что и в этом тесноте на вид здании идет каждодневная, кропотливая созидательная работа.

Вот, утирая пот засаленными рукавами, работницы-загрузчицы быстро подхватывают бочки с жиwiцей и, вкатывая их на терпеливо ожидающую вагонетку, — ручным воротом поднимают вверх, где ставят их на полку, а живица стекает в густым тестом, смольным и липким, чтобы потом выйти из аппарата прозрачной и чистой, как мед, а застывая образовать канифоль.

Ту самую канифоль, которая когда то висела на десятках и сотнях миллионов рублей из-за границы.

Прожорливая воронка, давись и чавкая, жалко поглощает живицу, а потом высплевывает ее в плавильный аппарат, где живица

Сверление вручную.

ца больше разогреться, булькая и волнуясь.

Плавильщики любовно и тщательно следят за процессом и только, когда живица достаточно расплавится, самостеком выпускают ее в канифольварочный аппарат, вокруг которого вьюном крутится, обжигает его со всех сторон, как любимую девушку — аппаратчик, ежесекундно приглядываясь к смотровому стеклу, будто шесту.

А загрузчицы гонят вверх все новые и новые бочки, втаскивая их ручным воротом. Вагонетка жует рельсы колесами, стальная трос натянута, как балалаечная струна, плотно обвивает шкив и подтягивает очередные порции живицы к прожорливым и ненасытным аппаратам.

Предзаковка, как и всегда, торпеливо шмугал по цехам. Точно что-то растерянно отъезжая, он приглядываясь к знакомым, как свои пять пальцев, аппаратам и рассеяно казалась обращающимся к нему рабочим... Сказалось, что в то же время он размышляет о чем-то совершенно постороннем...

Не заметил, как пошел к загрузочному отделению и хотел просконьзнуть мимо, как вдруг кто-то громко его позвал оттуда сверху:

— Что, аль занялся?.. Зайди!..

Увила покурку работниц-загрузчиц, нехоти и нетерпеливо стал подниматься к ним.

— Видишь, работка-то!.. Чтoб ей слухнуть!.. Умаялись совсем! — встретила его Анна.

— Ну-ну!.. Вы всегда так!.. С жалобами только! — попробовал улыбнуться предзаковка, но улыбка вышла принужденная, неестественная, так как пот на загорелых, как колючая оболка, лицах загрузчиц совершенно не располагал к улыбке.

— Зажалуешь! — разом возмолвились загрузчицы. — Таскаешь-таскаешь!.. Ты вот попробуй, тогда узнаешь!..

— И попробую!.. Что думаете не попробовал?.. Сам когда-то занимались этим! — отшучивался предзаковка. — Кто говорит, что легко? Но что же поделаешь! — улыбка раввел он руками, точно показывая всю безмощность и беззащитность спелать что-либо.

— Но побрите же вы, наконец, все там! — вдруг всплыла Анна, — что это неслесообразно! Понимаете и неслесообразно! — протяжно растянула она слова полнокровными и изогнутыми в разрезах губами. — Загрузчицы надрываясь должны тянуть ручным воротом втяную тяжесть наверх... Ты, что думаешь, двузначные мы, что ли?.. Надо поставить вопрос определенно перед администрацией... об установлении электрического мотора... И никакая тайка!.. То ли дело моторчик!.. Полошел, рычачком чик... и готово! Вагонетка... черепашка вверх, а ты стой и любуйся!.. Благодарите!.. Красота!.. — восхищено закончила она под общий довольный смех покурку.

— Да я и не возражаю, — шуря глаза улыбнулся предзаковка. — Но где же взять на все средства?.. Раз администрация говорит: «Средств нет!..» «Кредитов нет!..» Понимаешь? — и он улыбка стал взгляд в сторону от ручного ворота, мозоливого глаза, как бежонечно напелаяся бородавка.

— Эх, вы!.. Залопали, как попуган, одно!.. Средства нет!.. Кредитов нет!.. — пропнула презрительно Анна и, шагнув к ручному вороту, вместе с покурками закурила,

а вагонетка, скрипя колесами, медленно-медленно вытаскивая трос.

В среду на неделе совещание.

Стоял большой длинный критик, важный и чинный. После доклада от

МЕХАНИЗИРОВАННОЕ сий хлебный завод «К...» 300 тонн хле...

Собрание раскачивалось, говорили с замешиваемые мысли.

Анна, одетая по-празднично, с майской кофточкой, с голубой, пугаясь своего талкиваемой окружающей скакала:

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

— Дайте мне словечко!

ВОРОТ

ЖИГАРЕВА

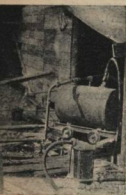
посами, как бы жевала
ленно поползла вверх,

ило производственное
ный доклад о само-
ный, как манифест.
рились прения.

ХЛЕБОПЕЧЕНИЕ. Ом-
олоссы, вылекающий
06 в сутки.

лось туго. Выступали
инками, пряча сокро-
адничному, в белую
красной повязкой на
голоса, и рыбно подни-
ние ее подругами,
! Мы, загруצים, не
ам воротом... Не раз

ТЕЛЬНЫХ РАБОТ. На
ит-пушка особый при-
труд при цементиро-
вании стен.

авкому, но он ника-
Записал раз что-то
должно быть утерял
ити!!.. Мы же каккин-
ать этукую тяжесть,
вудительно проти-
релую, как голенище
ушительно потрясла

нных лиц собрание
дулось, загрохотало,
леком:
ал!..
ше!!..
ше!!..
жет, что и вытянешь!.

А Анна, уже смелевшая, сама улыбалась и отвердевшим, уверенным голосом с плеча рубила:

— Они все пичкают!.. Положи, подумаем да покумеаем!.. Посмотрим да постановим!.. То срелств нет, то кредитов!.. То да се... Пято, десято... Одним словом волокиту разводят! А поэтому предлагаю об-судить... Вконец измучила распроклятая вагонетка... Все жилы вымотала!!

Тогда осторожно, точно боясь ступить или разлить кувшин с молоком, поднялся предзавкома и легонько, неснесса стал доводить до сведения собрания: мери он де принимал, а не волокитит, как выразилась Чикина... А этот самый вопрос об-судится на первом заседании производственной комиссии и разрешится...

По существу же полагал предзавкома, что затронутый вопрос к докладу не относится.

Как встал, так и сел... Мягко, слегка касаясь стула и опустив глаза в бумаги, шурша по ним карандашом.

Председатель собрания басом поддержал Анну, что надо-де в сам деле этот вопрос разрешить... Затрат тут особых не требуется... Можно обойтись и заводскими силами, без особых кредитов... Митрич подыщет завалявшийся в складе старенький моторчик, отремонтирует его и установит.

Митрич-монтер согласно кивнул головой.

После говорил докладчик... Говорил технорук... Говорили рабочие... И приняли, наконец, решение, что труд загрузкиц надо механизировать, а потому собрание поручает техническому персоналу этот вопрос проработать и провести в жизнь.

На другой день только вышла Анна на работу и поднимаясь наверх крутить ручной ворот, втаскивать вагонетку, ее с подругами встретил технорук и, смеясь сквозь опущенные книзу густые усы с проседью, поблескивая зрачками глаз из-под пенсы, сказал:

— Ну вот, товарищ Чикина, мы и занялись твоим вопросом!.. Смотри!—указательным пальцем ткнул он в спину слесаря и монтера, что-то размечавших и вымери-вавших.

Внизу, на улице примостился плотник, обхаживая толстые сосновые брусья, приятно блестящие белизной чисто выструганного тела, заготовляя под мотор деревянные салазки.

Анна улыбулась в глаза технорука: — Вот и великолепно!! Давно бы так!.. А то надрывался тут день дельской!.. Придешь домой руки отваливаются, словно омертвелье,—не приподнимешь!!

Все весело засмеялись. Анна, играючи, шлепнула по круглому плечу стоящую рядом с ней одну из подруг и бросила:

— Пойдем!.. Покрутим последние денечки!..

Через неделю, в среду, когда утренние лучи солнца лизали еще несобхожную траву, и когда дважды прохрипел надпривно, разрезая воздух, заводской гудок, Анна вместе с подругами внимательно слушала объяснения электромонтера и механика о том, как обращаться с мотором, как за ним смотреть и как ухаживать: включать и выключать.]

Тележка—электровоз советского производства. Вводится для перевозки грузов на вокзалах и предприятиях.

При пробном испытании присутствовали технорук и предзавкома. В вагонетку, спущенную вниз на холостую, посадили Анну вместе с предзавкомом.

Первый раз, слегка касаясь пальцами, точно боясь ожога, Анна взялась за рубильник и включила

Нагруженная до откату пузатыми боченками вагонетка с шумом вскочила на ровный пол загрузочного отделения и, как бы прожеывая последние вершки рельс скрипящими колесами, приткнулась к покорным и ручным животным у воронки, вытянув шею, за которую крепко цепелился стальной трос.

Анна стояла около мотора, смотрела на маленький, как жуточ, мотор, любовалась им, как лицом любимого и думала: — Как это все просто!.. Чик!.. и готово!.. Какая благодать!.. Какое облегчение!.. Прямо просто прелесть!—и ласково-ласково потреляла, погладила рукой холдное железо.

Новый сверильный станок, приводимый в движение током.

ДОЗОРЫ В ЦЕХАХ

Очерк ИВ. КУДРЯШОВА

ЭЛЕКТРОЗАВОД ГЭТ. Ударники на бригады элетромонтеров за сборованием нового цеха.

ПЕРЕДОВАЯ ПОЗИЦИЯ—ГИГАНТ-ЗАВОД

В Восточной части Москвы, на Генеральной улице, раскинулся на пятнадцатигектарном участке электрозавод Государственного электрического треста. Средневековые башенки украшают его восточный, что придает всему зданию вид крепости.

По «гигантским траншеям и блиндажам» завода снуют «танчики»—механические вагонетки, словно пулеметы трещат их предупредительные звонки. Танками вкатываются грузовики во двор. Мелькают черные и синие костюмы бойцов рабочих. Они наступают.

Между двух боковых корпусов, узкая лесома, растет новая громада. Стучат топоры, визжат цепи лебедок и под «емников». Идет стройка. Здесь будет силовая станция и отдел трансформаторов.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЗАВОД ИМ. КАЛИНИНА. Группа молодежи, получившая право в конкурсе на лучшего молодого рабочего; крайняя справа—Маруся Брнова, получившая вторую премию.

Три года тому назад этот фронтный участок был в тылу. Он пустовал. Лишь осиротело стояли стены недостроенного завода акционерного общества «Проводник». Октябрьский ураган смел акционеров, и в 1925 году уже ГЭТ вложил шесть миллионов рублей на его достройку.

Заработали четыре завода: электроламповый, металлотрубный, трансформаторный и проекторный, объединенные в 1928 году в один электрозавод.

Стройка его идет и сейчас усиленным темпом. В 1929/30 году закончится отделка нового корпуса. Будут организованы новые отделы: малых моторов, электроплавильных печей и изоляционных материалов.

В 1927 году завод дал готовых изделий на 30 миллионов рублей, в будущем по производственному плану 1931/32 года завод должен дать готовой продукции на 50.495.000 рублей.

Сейчас на заводе 4.000 рабочих, эта цифра с расширением завода увеличится до 6.000.

Одних молодых бойцов-рабочих, не считая строительных рабочих и служащих, насчитывается до 800 человек.

С этого фронта в домах, на фабриках, в учреждениях вы видите лампочку с тремя буквами «ГЭТ», заключенными в ромб; таких ламп в 1927 году завод выпустил 1.750.000 штук, но в 1928/29 гг. будет выпущено пять миллионов ламп.

Латушные желтые трубки Бергмана, извивающиеся по коридорам и лестницам вашей квартиры, автомобильные проекторы, радиостерегающие вас на улицах—рождаются на этом заводе-гиганте.

Электрозавод ГЭТ—детище Советского Союза

МОЛОДЫЕ БЕСПОКОЙНЫЕ ДОЗОРНЫЕ

В конце октября прошлого года в отделах, цехах завода появились листок бумаги с отпечатанными на машинке строчками. Это было воззвание бюро комсомольской ячейки.

...Ячейка комсомола проводит среди молодежи конкурс на лучшего молодого рабочего—производительница с попутным выявлением «наилучшего» работника, «наилучшего» мастера...

Мы обращаемся ко всем рабочим и служащим, мастерам и бригадирам... говорилось в тексте этого обращения.

Молодые затрепетали не ограничивались только красивыми словами: на всех со-

браниях—комсомольских, профсоюзных, женских—они «вылезали» с призывом принять участие в конкурсе.

Записалось 350 человек. Но как учесть работу участников?

Жюри конкурса, куда входили представители ячеек ВКП(б) и ВЛКСМ, завода, заводоуправления, ИТС,—долго думало и гадало. Решили использовать опыт харьковского электрозавода—раздать анкеты.

Тов. Милкин, член бюро комсомольской ячейки, член жюри, три дня потел над составлением анкеты. Писал, переписывал, зачеркивал, перечеркивал—анкета вышла «на-ята».

Что же она учитывала?

Во-первых, что представлял собой участник конкурса,—эту часть анкеты заполнял сам участник. Во-вторых, отношение к производству (мнение мастера или бригадира). Третье—участок и опозданий, и четвертое—общественная работа (мнение секретаря цехячейки и профделегата).

Кроме того прислушивались к мнению рабочих, работниц, к их отзывам об участниках.

Два месяца длилось соревнование. Жюри конкурса по-деловому отнеслось к награждению. И назначило довольно ценные премии.

I группа. Производств. премии: а) поездка в Ленинград на рождественские заводы—за оптом; б) четыре повышения в разрядках, и в) шесть технических библиотек.

II. Похвальные отзывы.

III. Опубликование в «Газетце» хороших производственных новостей.

11 февраля штаб передовых позиций—жюри—представило к награждению 53 бойца (38 ребят и 15 девочек).

Поездку в Ленинград получил фрезеровщик проекторного отдела, комсомолец Серов. За ним следуют Егоров, Харламов, Великов, Журовская, Калмыкова, Власов, Рейфельд и др.

В своем воззвании штаб пишет о результатах боя: 1) Представлено к награде 53 человека. 2) Прогнулы упали до минимума: если в сентябре-октябре в проекторном отделе было 140 часов, то в ноябре-декабре только 40. 3) Качество выработки улучшилось. 4) Отношение к станкам и инструменту тоже. 5) Обнаружены простои из-за недостатка инструмента. Ударная группа молодежи проверила инструментальные кладовые. Составили списки недостающего инструмента. По списку срочно закуплена партия инструмента. Простои значительно сократились.

Не успело это довести сформироваться, как генеральный штаб—бюро ячейки—шлет молодым бойцам новый приказ-обращение:

«Организовать ударные бригады молодежи!»

— Дашь!—прогремело по цехам. Закипел новый бой.

КОГДА НА ШТЫКАХ—ВОРОБЬИ

Травмай № 18 мчит за Бутырскую заставу. Тула, где кончается Москва, где широко разкинулось пушисто-зеленая равнина, пересекаемая Савеловской железной дорогой. Здесь на северном участке

столицы прикурнул, с одиноко-торчащими трубами, хрустальный завод им. Калинина.

За почерневшими кирпичными стенами слышится звон стекла, словно кто-то балуется колокольчиками. Хочется невольно заглянуть в окно, но занавески рыжей пыли задернули его. Придется пробираться внутрь.

Вокруг дышащей огнем гутты люди. В воздухе мелькают огненные шары. По цеху движется гул.

Стеклодувы как будто играют на длинных дудках, но вместо звуков на них растут огненные мячики.

Вот они растут, растут и, описав круг, опускаются в пресс приемальщицы. Та, словно птица, взмахнув локтями рук, зажимает мячик в форме. И флакон для «ландыша» вчерне готов. Отшибальщица ловким движением лопатки подхватывает его—уносит.

Знают ли моделищи—потребительницы «аромата» в изящных флакончиках—их происхождение?

Сердце завода—гутта (ванна, где варится стекло).

И цех поэтому, казалось бы, должен быть ударным, боевым. На его плечах выносятся вся тяжесть боя.

Сто тридцать семь человек молодежи брошено на этот боевой участок.

Но дезертиры ослабили боеготовность, дезертиры бросают винтовки—уходят с переловой линии.

Такие вести принесла первая проверка—конкурс молодежных цехов гутты.

— Сейчас я тебе покажу всех,—говорит Бабашина, шефсекретарь гутты.—Все бумаги посмотри!

Он долго роется в ворохе бумаг и извлекает солидную тетрадочку.

— Все итоги конкурса здесь!—хлопает он по ней рукой и садится за стол.

— Вот видишь,—говорит он,—всего прогулов у 137 участников за год 3.800 дней. Из них 2.890 по болезни и 705 без уважительных причин.

— Это какие же причины?—перебивает его.

— Какие? Спрашиваешь!—смеется Бабашина.—Известно: праздничные, похмельные и молодые. Вот гляди дальше.

Всматриваюсь в аккуратно разграфленный листок:

Прогулы за 1928 год участников конкурса в гутте

№№ по пор.	Фамилия, имя	Количество дней	
		Без ув. прич.	Всего
1.	Терентьев А.	1	101
2.	Графов А.	32	62
3.	Николаев А.	22	62
4.	Дерягина	3	72
5.	Матвеевский	22	—
6.	Жуков Н.	33	66
7.	Кладина	33	64
8.	Мурзина	17	119
9.	Морозова	4	30
10.	Бронова М.	—	4
11.	Безрукова Р.	1	1
12.	Горбачева	—	—
13.	Завулина	—	—

и т. д.

Список велик. На первом месте самые «лучшие» прогульщики.

— Кладина уже уволили, на днях сверх 33 еще неделю целиком прогулял!—толкует Бабашина.

— А почему у вас допускается столько прогулов? Ведь по таблице выяснения: после трех выговоров—увольнение...—интересуюсь.

— Они как гуляют? День гуляют—неделю-две работают, ну и выговоры

ЭЛЕКТРОЗАВОД ГЭТ. Ударник и лампового отдела.

дают, а некоторые ребята—бывшие беспризорники, приходится входить в положение!

— Они пользуются этим положением и гуляют!—добавил я.

— Он пользуется этим положением и идет к табельщику. Табельщица, удивленно посмотрев на меня, подтверждает цифры.

— Чем же они объясняют прогулы?—спрашиваю ее.

— Гей! Чем? «Наше дело молодое,—говорят,—почему и не прогулять!» Это обычное оправдание прогульщиков. Вот видите, что ответил вчерашние прогульщики,—протягивает мне бумажку.

Читаю: «Проспал. Проспал. Болел. Угорел. Проспал».

— Конкурс не оправдал себя! Конкурс был несправедливый!—говорят в цехе ребята.

Причина, оказывается, ясна. Жюри неправильно премировало участников. Так например, Борзунов Р., имея один день прогула без уважительных причин, получил первую премию, а Бронова М., с четырьмя днями по болезни—вторую премию.

Четвертые премии получили не имеющие ни одного дня прогула.

Бюро общезаводской ячейки не интересовалось этим делом; даже на конкурсном вечере ни секретаря, ни членов бюро не было.

Интерес к конкурсу чувствуется у одного т. Бабашина, он не унывает:

— Первый блин комом, но в других цехах проведем, что надо! Теперь опыт есть! Не полагай!—говорит он, прощаясь со мной.

Брызвет огнем гутта. Гремят флакончики в цехах. Дремлют воробы на штабах у гуттоцев.

— Кш-и, ш-ши!—кричит Бабашина.

ЭЛЕКТРОЗАВОД ГЭТ. Электромонтер из группы ударников.

ЛЕНИНГРАД—ГАМБУРГ

Очерк В. ФЕЙГИНА

В день открытия навигации в Ленинградском торговом порту.

ОГРОМНЫЕ краны похожи на живые существа. Проворно двигаются они от грузового отделения парохода «Рошаль» к складу Ленинградского порта, схватывают железными руками тесный лесом в тону, подмакуют сверху и бережно опускают к палубе парохода.

Этот кран в минуту производит такую работу, которую не смогли бы произвести в час двадцать человек.

Погрузка поэтому идет быстро, и к вечеру «Рошаль» готов к отплытию. Рейс его Ленинград—Гамбург, Гудок, и «Рошаль» двигается. Через Неву и Финзалив попадает в Балтийское море, а к утру отбегает финляндскую зону — остров Гогланд и эстонскую—остров Ротшер.

КАПИТАН ЗУДЕНКО

На пароходах скучно обычно, но на «Рошале» не скучно. Капитан «Рошаль», тов. Зуденко, очень оригинальный и бывалый человек. Около пары десятков лет назад вошел он в революционное движение, работал в ряде стран, был в Австралии однажды приговорен к смертной казни, но выкрутился. Старый моряк, он изобрел водные пространства всего земного шара, рассказы его настолько интересны, что часы в его капитанской каюте проходят незаметно.

Кто хочет получить представление о Зуденко, пусть прочтет рассказ Константина Паустовского «Капитан-коммунар».

«Я буду рад,—писал Паустовский,—если эти строки прочтет капитан-коммунар,

смотрщиков за каждый линок над цветным рабочему и сворачивая надсмотрщика челюсть на третьем ударе. И, наконец, президент Гюзю изгнал его из Австралии за организацию в Брисбене «коммунистического восстания», за протест против формирования отрядов для борьбы с Советской Россией (это были годы интервенции). Гюзю сказал его жене:

— Вашего мужа, сударыня, надлежит повесить. Но Австралия гуманна, и я приказал выслать его в распоряжение представителя истинной русской власти — генерала Деникина.

На деннинскую виллину его вели через экватор, тропики, океаны, душевные и синие, как тяжелое африканское небо. Он переменил 22 тюрьмы. В тюрьме бомбейской он потерял все зубы от цинги, его кормили 2 недели огузом карди—острым, как два разбавленная азотная кислота. В Константинополе за два часа до отправки в Одессу он бежал. Потом он опять попался, сидел в Лондонской тюрьме, изображал из себя норвежского кока, полудинога и чуть не «понохал веревки,

долго плавающий в американских портах, организатор коммунистическо о о восстания в городе Брисбене в Австралии, журналист и ярый поклонник Бабея, плавающий сейчас в полярных морях»...

Он сутул, неуклюже векился и никогда не снимает своего шотландского кэпи. Когда он ходит (по его словам «мотается»), то половички в комнате гнутся, как на палубе паршивейшей шхуны... Его исключали из всех мореходных школ за буйство и «анархизм». Его выгоняли с норвежских шхун за то, что он «менял» профили шкиперов—легендарных шкиперов, носивших в кармане револьвер и бутылку виски и корчивших матросов после авралы солинойю с червяками... Его выгоняли с сахарных плантаций в Австралии, где он рубил тростник, за то, что вызывал на бок над-

смазанной марсельским маслом». И этот человек псал.

Он редактировал в Австралии морскую газету. Он писал в газетах СССР, и я до сих пор помню его рассказ о зелено-черном от плесени дождей Копенгагене, о мрачной жизни парусных шхун, о том, как надлежит подымать на мачтах красные флаги и брать за горло арматоров—судовладельцев, о блуждающих душах пасторов, о тюрьмах его величества короля Великобритании, где арестантам говорят «мистер», но кормят их тестом, от которого делается заворот кишек, о революциях на морях».

Таков тип капитана Зуденко. Рассказы его сочны, интересны—пером не перещадать. Интересноется он самими различными областями знания. В свободное время рейса Ленинград—Гамбург он изучал, например, книгу Морозова «Христос». Потом выходил, как ошпаренный, на капитанский мостик, давал команду и восторженно делился прочитанным.

КИЛЬ

На море белые ночи. В девять часов солнце бродит еще по небу. «Рошаль» приближается к Кильскому каналу. На море оживление. Кругом суда. Они встретные, другие параллельно идущие.

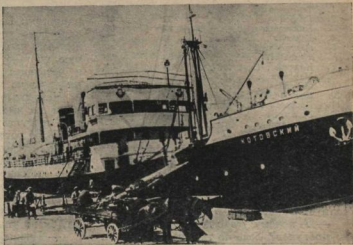
Есть шведское судно, перевозящее с германского на шведский берег пива с пассажирами: «Берлин—Стокгольм, бесперебачное сообщение».

Вот и Киль. Многочисленные огни. Это порт, где в 1918 г. моряки подняли знамя революции. Здесь Шейдеман уещевал матросов не быть слишком требовательными, ограничиться провозглашением демократической республики и не помышлять о советах.

А другой, социал-демократ Эберт, и это требование Шейдемана счел чересур радикальным и разругал его за то, что тот не настаивал на сохранении монархии.

«Рошаль» останавливается. Толстый немец, начиненный, по выражению Зуденко, сосисками, брехом по лестнице ползает на пароход.

Это лоцман, который должен провести пароход по каналу до Эльбы. Кругом пароходы-гиганты, перед ними «Рошаль»

Теплоход «Котовский», построенный в Гамбурге для Советского флота. В настоящее время он курсирует по линии Крым—Кавказ.

кажется ничтожным суденышком. Вот английский пароход. На борту франтоватая группа командного состава, дальше бельгийский, потом шведский — пароходы всех наших, всех государств.

Кильский канал — замечательное произведение человеческих рук. Любой океанский даже самой большой вместимости пароход проходит по нему совершенно свободно. Если бы такого рода каналы рвать примитивной русской лопатой, то потребовалось бы полсотни лет при работе 10.000 рабочих. Но новейшими машинами он сделан в два года, под руководством нескольких сот рабочих и инженеров.

СТРАНА С БОРТА

По обоим сторонам канала расположены именные и деревни. Чистенькие каменные домики — одноэтажные и двухэтажные, кругом зелень, прекрасные асфальтовые дороги, ведущие к огромным элеваторам, зданиям для машин и рабочим постройкам.

По земле, подобно гигантским гусеницам, движутся тракторы. К ним при-

ном, давать ему известную мзду. Этот обывчик держится уже столетиями. Приходит клиент той фирмы, груз которой принимает пароход, и вручает капитану пакет. В пакете том обычно 200—300 р. В особенности при ремонте парохода. Тут уже самой судостроительной фирме выгодно подмаслить капитана для того, чтобы он проплатил овал до б о р о к за качество работы фирмы.

На берегу становитсялюднее. Подходим к какому-то приморскому городку. Группа рабочих на наш красный флаг поднимает руку вверх, что обозначает приветствие соу-

В Новороссийском порту. «Иностранцы» погружают хлеб.

за красных фронтовиков. Приятно этак, — суденышко наше закудалое по сравнению с английскими и американскими гигантами, но их не приветствуют.

Через полчаса делаем поворот к Эльбе. На обоих берегах леса, поля и луга. Бросается в глаза уход за лесом. Деревья подстрижены. Лес изборожден панельными дорожками, по которым движутся велосипеды, мотоциклы и автомобили. В полях косят себе особыми косилками,

которые и траву режут, и раскладывают ее по земле, и поднимают потом на телеги и грузовики.

ГАМБУРГСКИЙ ПОРТ

Бесконечное количество пароходов разных названий, разных стран. Команда на разных языках. Выгрузка и погрузка. Сотни кранов поднимаются и опускаются. Одни токи летят вверх с пароходов в склады, другие вниз — со складов на пароходы. Бесперывное дви-

жение. На маленьких катерах снуют всякая полиция.

К «Рошалю» пристаёт шлюпка с полицейскими.

Франтоватые мундиры и блестящие эполеты. Проверили документы и выдали пропуски на право высадки на берег.

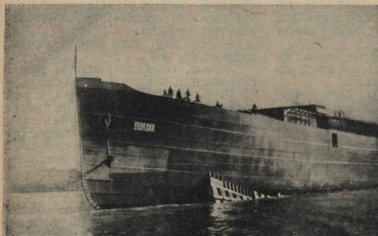
Мы с Зуденко подходим к огромной башне. Подъемная машина несет нас на плоскую крышу. Оттуда смотрим вниз. Гамбург как на ладошке — с блестящим асфальтом улиц, красными зданиями, движением автомобилей, мотоциклов, трамваев и велосипедов. Но все это кажется маленьким с громадной высоты портовой башни. На подъемке спускаемся вниз, садимся на катер и едем в город.

— В городе чистота, после Москвы кажется необычайной. Движение не больше, но носит иной характер. Автомобили, как и все прочее — частная собственность. Нарядные дамы, мужчины в шляпах и котелках забавляются за автомобильным рулем.

Вечером Гамбург залит светом. Через дверь каждого дома — кафе. Вот знакомая отечественная напиль: «Одесса». Это эмигрантский ресторан. У двери женщина зовет по-русски: «Войдите, пожалуйста. Зуденко зло оглянута!»

— Накося выкуси.

И столько классово-ненависти было в этом «накося выкуси». Вспомнились ему, вероятно, и смертный приговор, и цынга в зловонном трюме, и морская служба в шарком флоте под начальством папаш и братьев этих жанции, стоящих теперь у ресторанов за границей и мающих отхлебать за марку ши.

Новый лесовоз «Украина», построенный на Ленинградской верфи и спущенный на воду в октябре 1929 г.

цеплены огромные плуги-сеялки, их видно даже с борта «Рошала».

На капитанском мостике появляется Зуденко.

— Скоро Эльба, — сообщает он. Завязывается разговор о пароходах, о морских нравах, о капитанах.

...С давних времен, когда капитаны играли огромную роль в торговых порпинических функциях, — рассказывает Зуденко, — укоренился обычай за каждый груз, принятый и доставленный капита-

Читатель помнит представление в фабричном клубе, описанное в первой главе.

Александр и Александра

Повесть

Виктора ДМИТРИЕВА и Николая БОГДАНОВА

(Продолжение)¹

19. ГАМАНДРИЛКА СОЛГАЛ

КРЫЛОВ, задыхаясь от быстрого бега, схватил девушку за плечи.

— Милая, — Крылов притянул ее к себе, — родная...

Он знал, сейчас нужно сказать что-то очень простое, самое главное. Одно какое-то слово, после которого сразу же станет хорошо. Но слова подбирались все неподходящие, будничные, — директор, Лешка, машина, ящик...

— Шура, — сказал наконец Крылов, — давай все забудем. Девушка всхлинула.

Крылов крепко поцеловал ее. Она почти не сопротивлялась и только слабо отстранялась.

— Саша, — сказала девушка, выскобдившись из его объятий, — а ведь я — не Майкова.

Крылов отдернул руки, как от огня:

— Зина?! — крикнул он. — Опять ты? Зина молчала. Крылов машинально вытер рукой губы.

Стараясь отвлечься, она заставила себя читать афишу.

— А как же... свадьба? — сказала Зина, и голос ее колебнулся. — Саша, засмеюте ведь! Что ж я дура надеялась? — Какая еще свадьба? — сердито спросил Крылов. Но тут он вспомнил, что сердится зря. Во всем виноват он сам.

— Вот что, Зинушка, — сказал он как только мог мягко, — все это была ошибка. Ты не сердись...

— А платье, Саша, креп-де-шиновое? А кровать с шарами? Что ж мне теперь шары-то, куда их? — Зине было жаль себя.

Крылов жалел ее не меньше.

— Ну, что ж шары, — сказал он. — Тут, Зина, люди, и то... Эх, и напутал же я!

Он резко оборвал, не закончив фразы, повернулся, и тинеле ступая, ушибавсь об острые ребра лифчика, липная боченка, пошел к выходу.

Шура в упаковочной методично укладывала коробки за коробкой. Работа успокаивала.

— Главное первый день, вытнуть первый день, — шептала она в такт движением своих пальцев.

Девчата, оставив ее, постепенно вернулись кобычной болевне. К обеденному перерыву Шура была почти спокойна. Отбросив последнюю пачку печенья, Шура долго и вкусно потянулась. С непривычки немного ныла спина. На пороге появилась какая-то долговязая фигура. Не успев опустить руки, Шура вдрогнула и почувствовала, что боль и обиды последних дней не утихали в ней ни на минуту. В цех входил Потрясаев.

— Здравствуйте, девочки! Шурочке Майковой особенное!

Легкий попот пролетел по цеху. Девчата захихикали.

— Не узнаете-с, Александр Палка! И впрямь, где уж нам теперь равняться.

Шура медленно оглядела цех. Упаковщицы жадными блестящими

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО:
Комсомолец Крылов поступает на кондитерскую фабрику, где работает его товарищ Лешка Потрясаев. На фабрике Крылов знакомится с Шурой Майковой, прозванной неботрогой, и Зиной — поборкой Потрясаева. Между Крыловым и Шурой возникают близкие отношения. Назначение Майковой старшей по машине вызывает перемены в союзе с Крыловым. Потрясаев устраивает пикетку с участием в ней Крылова. Шура организует заговор против разгильдяев и пьяниц; دستопиратом Потрясаева она снимает участником вечера. Это еще более обостряет отношения. Группа Потрясаева травит Майкову, хулиганы подстраивают аварию, и Майкову смещают из мастерской. Новым мастером назначается Крылов.

глазами глядели на нее и на Лешку. Крут сузилась. В предвкушении самой хлесткой и обидной остроты женщины замолкли. Ни одного сочувственного взгляда, ни одного человеческого лица.

— Что это, чего они смеются, над кем это они...

Лешка, сморщив ехидную рожу, готовился к последнему триумфу.

Шура почувствовала, что в ней рвется все, что больше она не выдержит. Гордо подняв голову, она встала и мимо Лешки прошла к выходу. Что сказал Потрясаев, она не слышала. Озвращательный визгливый смех толкнул ее в спину.

— И это товарищи... вместе жали работали... что же это?..

На лестнице ничего не было. Захлебываясь слезами и рыданиями, одеваясь на ходу, Шура выбежала на улицу. Глотая морозный воздух, не замечая людей и трамваев, она шла по набережной.

— Нужно обдумать, нужно успокоиться, — шептала Шура трысущими губами. Но спокойствие не приходило.

Стараясь отвлечься, она заставила себя читать афишу: «Московский Художественный Театр Второй», напряженно морщила брови: «Что же идет в этом театре?» Но мысли о фабрике просачивались против воли. «100-е представления», «Лес», «Театр Петрушина». Почему Петрушина? Петрушка, морковка...

У Петрушина нос, как морковка... Быстрыми шагами, почти бегом, Шура двинулась вперед. Она не заметила, как перешла мост. Шум воды вывел ее из оцепенения. Грязные волны бились головой о камни набережной. Глухой чавкающий звук поднимался от бурлящей воды. Шура перегнулась через перила. Тяжелая усталость стягивала тело. Мысли тихо замедляли ход.

— Все равно, все конечно... Крылов, работа, Лешка, — промелькнули лица девчат, глупая рожа Петрушина.

— Ах, да не все ли равно?

На том берегу у амбразуры время от времени вырывались кипящие струи воды, как белые девушки, ныдающиеся в воду с гранитной скалы.

Шура закрыла глаза.

¹ Начало см. в «Смене» №№ 1—7

Перерыв кончился. Крылов, считая тесто с ножа, хмуро смотрел на Потрясаева.

Лешка, размахивая руками и брызгая слюной, наступал на Александра.

— От тебя, Сашка, все зависит. Да, будь я на твоём месте, я бы эту девку так прижал, чтобы зашпицала! Она бы мне карточку представила. Что же ты молчишь, га? Ведь и тебя на всю фабрику так ослепят, что удирать придется.

Старичок Гурьев одобрительно качал головой, подкрепляя Лешкины слова выразительными жестами. Он и Потрясаев решили пойти на все, лишь бы получить в свои руки фотографию.

Крылов слушал, почти не понимая, чего добивается от него Лешка. Вся эта история с детским криком казалась ему теперь скучной и незаинтересовавшей внимания. Не все ли равно, в конце концов, что скажут на фабрике? Он сам уж достаточно выстрадал из-за этой глупой, никому ненужной вражды. И вражды с кем? С самым близким и любимым человеком. До конца обдумать все свои поступки Крылов боялся. Он знал, что они были несомненно с репутацией честного партийца, а он был кандидатом партии. И поэтому он упорно обманывал сам себя, стараясь не вспоминать об этой стороне дела.

Потрясаев, не дожидаясь ответа, плюнул и обьявившись с Гурьевым вышел из цеха.

Крылов молча стоял у машины. Работа не клеилась. Время ползло нестерпимо медленно. Казалось, никогда уж не кончится этот нудный, неудачливый день.

— Сашенька! — слышал вдруг чей-то голосок. Курносенькая курьерша Нюра стояла возле него и держала за рукав. — Вас директор просит прийти и поскорее, — подирывала и стреляла во все стороны глазами, Нюрошка побегала к двери.

— Еще чего хватало? — со злостью прошептал Крылов, двинувшись к директору. Он ясно представил себе, как директор, краснея и пыхтя, начнет приводить бесчисленные примеры разгильдяйства в цеху, ссылаясь на правила, на Ленина, на партийный устав, говорить о подятии производительности труда. Стало еще скучнее.

— А, вот он, — забасил директор — что же это, брат, в цеху разгильдяйство, недоработка, брак! Так-то вы производительности труда поднимаете?

Крылов похмуро стоял посреди кабинета и, не слушая, следил, как в такт словам двигалась в руках директора большая конфетная коробка: вправо, влево, вправо... Неожиданно коробка повернулась и... — Шура! — чуть не закричал Крылов. С белой крышки, немного наклонив голову, радостными и удивленными глазами смотрела на него Шура Майкова. Пушистые снежинки дрожали на ее волосах. Крылов почувствовал, что к нему возвращается дыхание. Его дурацкая ревность была ведь основана только на этой карточке. За-

был о директоре, он смотрел на Шуру и чувствовал, как тесно в груди его больному неудержному счастью.

По угасившим раскатам директорского баса Крылов понял, что разговор окончен. Со счастливым лицом он дослушал последнюю фразу и, пробормотав нечто мало понятное, бросился к выходу.

Директор недоуменно посмотрел ему вслед, хотел вернуть, но махнул рукой.

Крылов бежал по коридору, не замечая встречаемых. В дверях упаковочной он столкнулся с Бондарчуком.

— Ты куда, парень? — медленно по обыкновенно протянул войдя кавалеристов. — Майковой нет.

— Как нет! А где она?!

Бондарчук пожал плечами:

— А я откуда знаю; говорит ушла в перерыв и с тех пор больше ее никто не видел. На фабрике нет нигде ее.

Мутная тревога пошла за сердцу Крылова. Зная Шуру изнутри, он понял, что могло случиться что-то необычайное.

— Говорят, засмеяли ее тут девки. Да еще Потрясаев этот твой, — неприязненно заметил Бондарчук.

— Какой чорт, мой? Да ладно, не в этом дело. Где же она? — Крылов постоял несколько секунд, потом схватил Бондарчука за рукав и ночи закричал:

— Надо искать ее, понимаешь. Беги скорее! — и не дожидаясь ответа, шагнул через три ступеньки, бросился вниз.

По дороге он забежал в цех и, схватив какой-то пакет, помчался дальше.

Темнело. В вечернем воздухе таяли дома и деревья. Туман ложился пластами, как папиросный дым.

Крылов быстро шагал по звонким тротуарам.

— Если Шуры нет дома, тогда дело плохо.

Он даже не знал, где ее можно искать. Александр почему-то был уверен, что дома Шуры нет, но все же, пока не убедился, он старался складывать все возрастающее волнение.

— Ну что, собственно, могло случиться? Тяжело ей стало, ушла домой. А все-таки я потребую с нее фотографию! — билась навязчивая мысль.

Вот и знакомое окно. В комнате темно. Крылов подошел и осторожно постучал. Он знал, что Шура любила сидеть одна, не зажигая света. На стук никто не ответил. Крылов, спотыкаясь, вбежал на лестницу и вошел в коридор. Дверь была заперта.

— Ты еще не приходишь, — высунув голову из соседней двери, крикнула какая-то женщина.

Крылов вздрогнул и уронила пакет, который держал под мышкой. Пакет с глухим стуком упал на пол. Нагибаясь, Крылов больно ушибил об угол юваного стула, и схватившись за голову, выбежал на улицу.

Вечерние тени стеснились. Желтый свет фонарей с трудом просачивался сквозь туман. Отчаяние охватило Крылова. Куда идти? Нецелесообразно искать девушку на московских ули-

...Визгливый смех толкнул ее в спину.

21. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОКОНЧЕНО

Читатель помнит представление в фабричном клубе, описанное в первой главе нашей повести. Петрушка рассказывал историю любви молодой парочки. И парень и девушка работали на одной и той же фабрике. Против девушки обнаружился заговор, в котором принимал участие даже самый близкий ей человек.

В действующих лицах разыгрываемой Петрушкой истории зрители узнали рабочих своей фабрики.

Старик Гурьев сам угадал себя; и его и остальных действующих лиц узнал весь зал. Почти все они были здесь, среди зрителей. В третьем ряду сидел Александр Крылов, в темную линию окна отступился народный Лешка с густой трубой в зубах. Здесь и краснощекая женоганизма-

торша Киселева, и толстяк-директор, и чернوبرая Зина. Отсутствовала на представлении лишь главная участница — Александра Майкова.

Читатель должен также помнить, как превратилось внезапно представление после того, как на сцене девушка, доведенная до отчаяния, побежала топиться, и взволнованная жен-организаторша поехала на извозчике на квартиру Майковой.

В клубе не расходились. Куклы убрался в свой балаганчик, а зрители, вперевой крича и жестикулируя, обсуждали и восстанавливали с самого начала историю, но так похоже на сегодняшнее представление историю Шуры и Крылова.

Винючник всего, Крылов, тоже чувствовал искреннее возмущение. Как могли так затравить девушку? Мерзавцы! Он готов был разорвать себя на части или встать на колени и публично каяться. Вдруг Петрушка заверещал таким пронзительным голосом, что все встrepенулись. Из-за кулис появились с барабанным боем пионерское зveno, неся разернутую стешпалету.

— Мы дети, но мы пионеры.

Цыганство и хамство нам диню,
Товарищи, полюбитех примером —
Вот фотографии «детского кришна»!

Крылов моментально протрезвел. Ни каяться, ни раздирать себя на части он больше и не думал. По красневу, он бросился первый к стенгазете. Оттолкнув по дороге Гурьева, он прижался лицом почти вплотную к обведенной красной краской фотографии. На переднем плане фото Гурьев, дева на лавке, пил воду с блюдечка. Супруга валилась под столом. В дальнем углу Потрясаев, стоя на коленях, нежно целовал калашу. «А я, где же я?» — Крылов не верил своим глазам.

...Шагая через три ступеньки, бросился вниз.

— Меня здесь нет? — спросил он соседа, не думая о том, что тем самым выдал себя.

— Нет, — удивленно ответил сосед. — Нет? — Крылов снова взглянул на фотографию и вдруг расхохотался. Он громко смеялся, а вокруг хихикали старушки, покашливали старики, звенел смех девушек и парней.

— А где же Шура? — утирая слезы, вызванные смехом, вспомнил вдруг Александр. Ему стеснило сердце. В глазах потемнело. Впервые в жизни он испытал нечто похожее на обмороч.

Тем временем Киселева домчалась до переулка. Как буря, вметая пыль и покрывши суизуков, пролетела по коридору. Она рванула дверь так, что все винтики запора вылетели сразу. Ей показалось даже, что дверь была открыта.

Киселева повернула выключатель. Холодный свет электричества показал неприкрытую пустоту комнаты, несмятую кровать, высохший бутерброд на окне. Все предметы стояли осиротевые, пыльные. Киселевой стало жутко. Ей показались, что сейчас появится тень Шуры-утопленницы. Киселева больше не сомневалась в смерти Шуры. Она так упала духом, что совсем забыла о всех способах передвижения и попелась с опущенной головой пешком.

Крылов, на которого свалились сегодня две радости — выискилась вздорность его ревности и затем не оказалась его на фотографии — сидел в клубе как потерянный. Он туло рассматривал Шурина ботинки на низком прочном каблучке, почему-то вырывающийся из-под балаганчика Петруши и думал:

— Неужели Шура умерла? Нет, этого не может быть. Ведь теперь я

В Дверях упаковочной он столкнулся о Бондарчуком.

люблю ее по-настоящему! Зачем этот ботинки? Что мне теперь делать? Завать? Заплакать? Глупо! Я идиот! Такую девушку прозевал. Очевидно меня нужно выгнать из кандидатов партии. Ведь лист заглобал я... Но причём тут ботинки? Зачем он попал в клуб? Не разулась же она перед тем как топиться?!

(Окончание в след. номере).

ВСЕ ЮНЫЕ ТЕХНИКИ И МОДЕЛИСТЫ, ВСЕ ШКОЛЬНИКИ И ПИОНЕРЫ
ВЫПИСЫВАЮТ И ЧИТАЮТ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

ЗНАНИЕ — СИЛА

В ЖУРНАЛЕ: Путешествия, приключения, изобретения, новости науки и техники — предожения и письма юных техников.

В 1929 году журнал проводит КОНКУРС НА ЛУЧШИЕ МОДЕЛИ.
(ПРЕМИИ: бесплатные поездки в Москву, наборы инструментов и пр.)
и ОРГАНИЗУЕТ ДАЛЬНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ для своих читателей.

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТ:

5 БЕСПЛАТНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ 5
(точные чертежи и описания)

1) американского универсального верстака для работы по дереву и металлу, 2) театра радиужных огней, 3) модели водной мельницы, 4) буера для катания на лыжах и 5) детского педального автомобиля.

Полугодовые подписчики получают первые 2 приложения

При журнале имеется постоянная
БЕСПЛАТНАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

на 1 год . . . 2 р. — и . . . на 3 мес. р. 70 и
на 6 мес. . . . 1 р. 20 и . . . Цена отд. № . . . 25 и

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ

по адресу: Москва, Новая пл., д. 6/8, Издательство
ЦК и МК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

СТИХОТВОРЧЕСТВО

Под редакцией В. ПЯСТА

РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРВОГО КОНКУРСА БУРИМЭ

В дополнение к опубликованному в № 4 списку присланных по адресу первого конкурса, сообщаем фамилии и адреса еще следующих лиц, получивших отдачи:

II prize — буримэ «Домы Парма, Бельмезскому» — получатель: Ив. КАЛЫЖКОВ (гор. Орел).

IV — «Гам работор» — Е. ТРАВНИ (Сызрань).

Он же II prize, отдам за «Спать пора».

I и V поч. отдам присужденца А. КАРАЧЕВЦЕВУ (ст. Ивачен) за «Карабан осевше» и «Родные места».

«Не роислен» до сих пор лишь автор буримэ без дензна, получивший III почетный отдам; однако есть основания предполагать в нем Ник. Хандяга (Воложск). Просим отозваться, так ли это.

Итак, на 14 лиц, получивших отдачи, лишь 2 адреса: Москва, 8 — РСФСР, 2 — ЗСФСР, 2 (1) — БССР.

ВВЕДЕНИЕ В СТИХОВЕДЕНИЕ

(Продолжение, см. № 23 «Смена» за 1928 г.).

§ 4. Ионы вторые (также — иррихны на второй ступе в четырехстопном ямбе) встречаются чаще иррихнов на первой лишь у поетов XVIII века (Ломоносова, Державина), нередко у Тютчева и затем у ионотаров новейших годов XX века, например, у Мандельштама:

Отверженное слово мир.

Бз вавиле освободивной зны. —

Светлыины в голубине исперы...

Наиболее редкие формы четырехстопного ямба, это — ионы второй ямбе ионы четвертый:

Ивановка Елисавет... (Ломоносов)

Вен комната напоена... (Мандельштам), —

и два иррихны ямбе димам:

И влоспелест легит... (Андрей Белый)

§ 5. Так же и в четырехстопном хорее наиболее часты случаи иррихны на третьей ступе (ямбы ямбе ионы третьей):

Имя Пушкинского дома...

песня передко соединяется с иррихном на первой (два ямбе третьей):

В Академии наук... (Алек. Блок)

употребительно, далее, один иррихны на третьей (ионы третьей ямбе димам):

Прибланы в добу детя.

Вторых ямбе отдам... (А. Тупикин)

Иногда возможно, хотя и затруднителен стих, делая его чересчур «рубленым» (то есть по обычаю делая такт метрическим), чисто-хорический стих:

— Тит! Тит! Наши сесты...

— и очень редки (их гораздо меньший процент, чем соответственных иррихнов в ямбе) иррихны на второй ступе (ионы второй ямбе димам):

Выстрел поразил Иван...

иной раз соединяется с иррихны на третьей (ионы первой ямбе ионы третьей):

Вызолотены иран...

§ 6. В пятистопном ямбе наиболее часты иррихны на четвертой ступе; наиболее редки — иррихны на третьей; гораздо чаще попадаются стихи с парью иррихнов, чем вовсе без них (типыст и медленнее «чистый» пяти- или шестистопный ямбе, без иррихнов-ионов) редки: Услышав суд глумца и смех толпы холодею...

(Пупкин)

Но кто любезней: дяди мой Семен... (Вас. Какин)

В пяти- или шестистопном хоре, в зависимости от того, на первой или на второй ступе иррихны, — стихи имеют совершенно различную направленность, ямбе различной ритм:

Умбрихн даснаваши мгла...

Тоние зевит колокола... (А. Блок)

отдашь не похолое на: Поцелая тучка золотан

На груди утеса-великана... (Гермонтов)

и вовсе не потому, что в первом случае на юмбе хорей усеченный («музыкальный рифма») а во втором — полный (рифма «лексическая»), но вследствие того, что написаны стихи в первом случае с ионой первого, во втором — с третьей.

§ 7. Хорей семистопный редок: зато восьмистопный хорей представляет собою основную идио-европейскую структуру; это — шестнадцатисложный стих, весьма употребительный в старинных стихотворных памятниках Западной Европы, особенно в романсах, странах и в англischen. В более новое время он шаг, например, Эдгаром По для «Норона»:

В час полнотный, в дни потери, в один, за-крытый двери...

Углублен, в изучение знаний, мертвых с даяних нор... и применен был систематически Бальмонтом, а вслед за ним десятилетия русских поетов, и оригинальным стихом:

Победитель биатородов с победившим бюджет ронен.

С ним закончат только ионный, с ним ионот один димам... (А)

§ 8. Редок и семистопный ямбе:

Я помню теплый шаг в тихий шопот у лабра... (1)

Этот стих отнюдь не похож на такой, например, стихов И. Митавы (нач. XIX в.):

Фонарихн, сударихн, горит себе, горит, на стих В. Брюсова, начинающийся со слов:

Стодети — фонарихн... на приведенную форму в прошлой «стихотворной» строфу С. Горюхиного и на его же:

Поглядывал, вымертвевал и нурился глазом...

— Позвольте познакомиться, я, кажется, знаком?

— Как под-руку с молодой? приятно погулять?

— Теперь столоничальница неслыба бы по-встречать...

Полное сходство ритма всех этих отрывков, начиная со второго, — в связи с тем, что они имеют ямбе общего по ямбе с первым стихом (1), составляет нас с полной убежденностью отнести их все (вrome, конечно, 11) и совсем не амбическим, а

ЧИСТЫМ ИОНИЧЕСКИМ.

написанным четырехстопным ионой вторым, с двойным усечением («усужено» ямбе слышат рифмов).

Если же мы внимательно взглянем на ритм такого, как вышеприведенный оригинальный отрывок (А), восьмистопный хорей, то поймем, что и в нем слышны признаки ионической основы, — только на ионы третьих (хорических), что видно уже по преобладанию в нем характерных слогов «ионических победителей», «блатородных», с победившим ионой. Или, как у Горюхиного:

Виринеи, верешей... и т. д.

МОЛОДЕЖЬ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЛИТЕРАТУРНОГО КОНКУРСА ЖУРНАЛА „СМЕНА“ на 1929 г.

Редакция журнала „Смена“ объявляет всесоюзный конкурс на лучший рассказ и художественный очерк, посвященный теме „Молодежь в социалистическом строительстве“ (Жизнь и быт молодежи на предприятиях, в явчине, в школе, в клубе, в семье и т. п.).

Прислываемые на конкурс рукописи должны отличаться высоким художественным достоинством и оригинальностью сюжета (для рассказов) или темы (для очерков).

В литературном конкурсе журнала „Смена“ может принять участие каждый молодой начинающий писатель. Это не исключает присылки на конкурс рассказов и очерков писателями-профессионалами.

ЖЮРИ КОНКУРСА

А. В. Луначарский, Г. Лебедев (АППО ЦК ВЛКСМ), Я. Ильин (ред. „Номс. Правды“), И. Наизис (АППО МК ВЛКСМ), Г. Литвин-Молотов (Изд-во „Молодая гвардия“), В. Шмарин, Г. Явцев (редакция журн. „Смена“), Ник. Бодянов и Марн Колосов (номсом. писателя).

К участию в обсуждении премируемых рассказов будет привлечен ряд фабрично-заводских членов ВЛКСМ.

ПРЕМИИ ЗА ЛУЧШИЕ РАССКАЗЫ

Первая премия конкурса — 300 руб.
Вторая премия — 150 руб.
Третья премия — 100 руб.
Четвертая и пятая премии — по 50 руб.

ПРЕМИИ ЗА ЛУЧШИЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОЧЕРКИ

Первая премия конкурса — 100 руб.
Вторая и третья премии — по 50 руб.

Премируемые рассказы и очерки, кроме премии, оплачиваются также авторам в обычном порядке.

Рассказы и очерки, не удостоенные премии, могут быть признаны жюри подлежащими напечатанию и будут соответственно оплачены.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА

1. Прислываемые на конкурс рассказы не должны быть по размеру больше 2 печатных листов (80.000 печ. знаков или 40 страниц на машинке), очерки не больше 1 в. листа (40.000 печ. знаков или 20 страниц на машинке).

2. Желательно, чтобы рукописи, прислываемые на конкурс, были напечатаны на машинке; в крайнем случае они должны быть написаны четким почерком на одной стороне листа.

3. Рукописи на конкурс должны быть полностью подписаны автором и снабжены точным адресом автора.

4. Адрес, по которому посылать рукописи на конкурс, следующий: Москва, Новая пл., 6/8, редакция журнала „Смена“. На конверте должно быть также указано: на литературный конкурс.

5. Последний срок присылки рукописи на конкурс — 1 июля 1929 г.

ИГРЫ МОЛОДЕЖИ

Под редакцией Л. БАРХАША

БЕЛЯК

Это очень подлинная интересная игра, которую для проведения на массовых заводских прогулках и экскурсиях. Одновременно в игре может участвовать от 20 до 30 человек.

ПЛОЩАДКА для игры должна быть размером в 25 на 30—40 метров. На площадке чертятся на земле круг диаметром в 10—12 метров, а на расстоянии от него в 1—1½ метра делаются отметки, где должны стоять игроки.

ИНВЕНТАРЬ заключается в резиновом мяче диаметром в 7—10 сантиметров.

ПРАВИЛА ИГРЫ:

- 1) По ирребуто один из играющих становится «белым», а остальные размещаются по местам, отмеченным знаками на площадке.
- 2) По свистку судьи игроки начинают перебрасывать мяч друг другу, бросая его во всех направлениях.
- 3) Если кто из играющих поймает мяч и надеется попасть в «белого», он бьет в него. Если же он не надеется попасть, то он бросает мяч и другому игроку, который ближе к «белому».
- 4) Мяч бросается до тех пор, пока кто-нибудь не бросит в «белого».
- 5) Если бросивший в «белого» промахнется, то он становится на его место.
- 6) Если же он в «белого» попадет, то все

игроки бегут. «Белый» хватается мяч и кричит «стой!» Все должно немедленно остановиться. Тогда «белый» метит в кого-либо из ближних стоящих.

7) Если «белый» попадет в него-либо из играющих, то тот становится на его место.

Если не «белый» промахнется, то игра начинается сначала.

8) Если во время битания мяч попадет в круг «белого», то испущенный мяч должен упасть на место «белого».

Самсон Газар

ШАШКИ

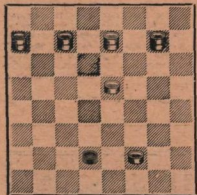
Под редакцией В. МЕДКОВА

Задача № 4

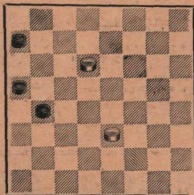
Этад № 6

А. И. МЕДВЕДЕВ (Моршанск)
Печатается впервые

В. Н. БОГУСЛАВСКИЙ (Ростов/Д)
Печатается впервые

Белые: Д, в7, е7, г7, е7; пр. е5, г2 (6)
Черные: пр. d2 (1)
Белые начинают и забирают простую черных.

Белые: пр. d6, e3. (2)
Черные: пр. a5, a7, b4 . . . (3)
Белые начинают и выигрывают.

3-я КОНКУРС РЕШЕНИЙ

Объявляется новый конкурс решений шахматных задач и этюдов на следующих условиях:

- 1) В конкурсе решений участвуют 20 шахматных задач и этюдов
- 2) Решения должны присылаться в течение одного месяца со дня выхода задачи или этюда.
- 3) За каждое правильное решение как задачи, так и этюда будет засчитываться по два очка и за каждое побочное решение—одно очко.

- 5) Присланные наибольшее количество решений получают призы, состоящие из книг шахматной литературы.
- 6) Участвующие в конкурсе собирают свои адреса.
- 7) Решения следует посылать по адресу редакции журнала «Смена» с припиской «3 отдел шахмат».

БОЛЬШОЙ ШАХМАТНЫЙ ЧЕМПИОНАТ МОСКВЫ

Заключился продолжавшийся более двух месяцев большой чемпионат г. Москвы и звание чемпиона г. Москвы получил мастер Петелин (+12½ из 17), И. И. и И. И. Ириим поделили—Глезер, Данилин и Макавеев (по +11), В. м. Вертинский (+10), Ч.И.—Капария (+9½), Давиде, м. Ковельский и м. Кучуев (по +9), Кузнецов (+8½), Ткаченко (+8), м. Зверев, А. Воронин, м. Руссо (по +7½), Сергеев (+7), Буалатов (+6½), Плотников и м. Снежин (по +6), м. Бородинский (+5½).

Обращает внимание необыкновенно рст шахматной молодежи. Все игроки являются аскалчевцами м. Вертинский—молодежь в возрасте до 22 лет.

ПАРТИЯ № 3

Играна в большом московском чемпионате 1 февраля с. г.

В. Гиллер (Белые)
Б. Макавеев (Черные)

1. с3—d4 d6—e5
2. h2—c3 e7—d6
3. g3—h4 h6—g5
4. f2—g3 e5—f4
5. g3—e5 h6—f4
6. a1—b2

Этим же началом была сыграна чрезвычайно интересная партия: 40-я трудовая школа против В. Маннаева и С. Тасера (игра в 1925 г.). Это первая предоложная партия. В. е1—f2, b6—c5; 7. d4:b6, a7—c5; 8. e3—d4, e7—d6; 9. d4:b6, h6—e5; 10. h4:d4, f8—e7; 11. e3:g5, d8—e7; 12. b6:b7, g7:h4; 13. g5—h6, h5—e1 и бегт. сдвиг. Ход в партии 6. а1—b2 мы тоже находим слабый и счита. лучший ответом от белых б. а3—b4, предыдущий размер б6—c5.

6. b6—c5
7. d4:b6 a7:c5
8. c3—d4
9. c7—b6
10. c7—c3
11. e1—f2, h6 последует f6—e5; 10. d4:f6, g7:e5; 11. h4:d4, h8—g7; 12. e3:g5, c5:g1 и черные выигрывают.
13. h8—a7
14. e1—b2
15. f6—e5
16. a7:c5
17. b4:d4 d8—e7
18. f6—e5
19. a7:c5
20. f6—e5
21. h6—g7
22. e1:b2
23. f6—e5
24. a7:c5
25. b4:d4
26. f6—e5
27. a7:c5
28. f6—e5
29. h6—g7
30. e1:b2
31. f6—e5
32. a7:c5
33. b4:d4
34. f6—e5
35. a7:c5
36. b4:d4
37. f6—e5
38. a7:c5
39. b4:d4
40. f6—e5
41. a7:c5
42. b4:d4
43. f6—e5
44. a7:c5
45. b4:d4
46. f6—e5
47. a7:c5
48. b4:d4
49. f6—e5
50. a7:c5
51. b4:d4
52. f6—e5
53. a7:c5
54. b4:d4
55. f6—e5
56. a7:c5
57. b4:d4
58. f6—e5
59. a7:c5
60. b4:d4
61. f6—e5
62. a7:c5
63. b4:d4
64. f6—e5
65. a7:c5
66. b4:d4
67. f6—e5
68. a7:c5
69. b4:d4
70. f6—e5
71. a7:c5
72. b4:d4
73. f6—e5
74. a7:c5
75. b4:d4
76. f6—e5
77. a7:c5
78. b4:d4
79. f6—e5
80. a7:c5
81. b4:d4
82. f6—e5
83. a7:c5
84. b4:d4
85. f6—e5
86. a7:c5
87. b4:d4
88. f6—e5
89. a7:c5
90. b4:d4
91. f6—e5
92. a7:c5
93. b4:d4
94. f6—e5
95. a7:c5
96. b4:d4
97. f6—e5
98. a7:c5
99. b4:d4
100. f6—e5

Ход, проигранный партию. Сاعدовало играть 10. e3—b4.

Здесь лучше было 12. . . . h8—g7, оставая на месте вступую шаху 48.

Этим ходом черные несколько затрудняют свой выигрыв.

Предоставляя свободу движения своей даме, черные легко выигрывают.

20. d4—e5 b6:b2

21. f2—e3 h6:d2

22. e1:c3 d8—c5

23. h2—g3 e5—b4

24. e3—d4 b4—a3

25. g3—f4

Конечно, черные выигрывают при любом продолжении белых.

25. a3—b2

26. f4—e5 g7—h6

27. d4—e5 h8—f4

28. e5—d6 f4—e3

29. d6—e7 e3—d2

30. e7—d8 h2—a1

И черз несколько ходов белые сдались.

Д. УХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ЖУРНАЛ

«СМЕНА»

Редакция: Москва, центр, Новая площадь, д. № 6, тел. 1-91-01
Контра: Москва, центр, Б. Чернышевский пер., д. 6, тел. 5-67-03
М. в. А П Р Е Л Ъ 1929 год
СОДЕРЖАНИЕ: На соревнование! В. Васильевский—Подвиг Лыбки Бабуновой (рассказ). Федор Мелов—Зубами в производство (очерк). Максим Зорин—Наша или казанская? (филетон). И. Нигарев—Ручной ворот (очерк). Ив. Иударин—Дозоры в цехах (очерк). В. Фейгин—Ленинград—Гамбург (очерк). В. Дмитриев и Н. Богданов—Александр и Александр (повесть). Г. ор. Гроссман—Писатели республик (соабр). Стихотворчество. Книжная полка. Игры молодежи. Шашки.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛ «СМЕНА» С ПРИЛОЖЕНИЯМИ
Годовым подписчикам бесплатные приложения: 1) Повесть Н. БОГДАНОВА—Первая девушка. 2) Мисогераская картина. Подписные цены: Журнал «СМЕНА» на 1 год—2 р. 6 мес.—1 р. 05 к., 3 мес.—65 к.
С 1 апреля до конца год.—1 р. 60 к.
Приложение: Журнал «НА СУШЕ И НА МОРЕ» на 1 год—1 р. 45 к., 6 мес.—70 к., 3 мес.—40 к. С 1 апреля до конца года—1 р. 15 к.
Библиотека «Игрные вопросы» (6 книг)—35 к.
Библиотека «Путешествия приключения и краеведения» (6 книг)—3 р.

Изд. № 3.335.

Ответственный редактор Г. ЯРЦЕВ

Москва. Главпиз А 35.939.

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехрудный, 9.

33.900 яза.